

Подлинная рукопись, написанная прекрасным почерком XVIII века, имеет подзаголовок: «Жизнь и суждения господина аббата Жерома Куаньяра». (Прим. издателя.)

Я решил поведать миру о тех примечательных встречах, что произошли на моем веку. Бывали встречи прекрасные, бывали и странные. Перебирая их в памяти, я и сам подчас сомневаюсь, уж не пригрезилось ли мне все это. Знал я одного кабалиста-гасконца; не скажу, чтобы он блистал особой мудростью, поскольку погиб столь нелепым образом, но однажды ночью на Лебяжьем острове он вел со мной возвышенную беседу, смысл какой я, по счастью, удержал в памяти и озаботился занести на бумагу. Предметом его речей была магия и оккультные науки, к которым нынче весьма пристрастились. Только и слышно разговоров что о розенкрейцерах*. Не льщусь, однако ж, мыслью, что откровения гасконца послужат к моей славе. Одни скажут, будто все выдумал я сам и что учение это не истинное; другие же — что передаю я вещи

* Эти слова написаны во второй половине XVIII века. (Прим. издателя.)

давным-давно всем известные. Не скрою, сам я не слишком силен в каббалистике, ибо мой гасконец погиб, успев ввести меня лишь в преддверие ее тайн. Но даже то малое, что узнал я об этом искусстве, наводит меня на мысль, что все в нем лишь обман, заблуждение и суета. Впрочем, одно уж то, что магия противоречит религии, способно навеки отвратить меня от подобных занятий. Тем не менее почитаю своим прямым долгом дать разъяснение по одному вопросу этой лженауки, дабы не прослыть в глазах людей еще большим невеждой, чем есть я на самом деле. Мне ведомо, что каббалисты обычно полагают, будто сильфы, саламандры, эльфы, гномы и гномиды рождаются на свет со смертной, как и тело их, душою, приобретают же они бессмертие лишь чрез общение с магами*. Мой же каббалист, напротив того, учил, что жизнь вечная не может быть ничьим уделом, будь обитателем живого существа земля или воздух. Я старался следовать ходу его мысли, воздерживаясь от какого-либо суждения.

Мой каббалист любил повторять, что эльфы умерщвляют каждого, кто раскроет их тайну, и приписывал кончину г-на аббата Куаньяра, убитого на Лионской дороге, мстительности этих духов. Я же прекрасно знаю, что смерть эта, которую никогда не перестану оплакивать, произошла в силу куда более естественных причин, и позволяю себе

* Как раз это мнение высказывает аббат Монфокон де Виллар в небольшой книжице под названием: «Граф Габалис, или Разговоры о тайных и чудесных науках, в согласии с началами древних магов или мудрецов-каббалистов». Книга выдержала множество изданий. Ограничусь указанием на то, что вышло в Амстердаме (у Жака Ле Жена, 1700 год, in 18°, с картинками); оно содержит вторую часть, которая в первоначальном издании отсутствует. (Прим. издателя.)

совершенно свободно толковать о духах воздуха и огня. Любого из нас подстерегают опасности в жизни, эльфы же представляют опасность наименьшую.

С усердием собрал я суждения моего доброго учителя г-на аббата Жерома Куаньяра, о смерти коего уже упоминал выше. Был он человеком великой учености и благочестия. Если бы природа не наделила его столь беспокойной душой, он несомненно сравнялся бы в добродетели с г-ном аббатом Роленом*, которого превосходил как обширностью знаний, так и глубиной ума. Впрочем, полная тревожных жизнь дала ему еще и то неоспоримое преимущество перед г-ном Роленом, что он не впал в янсенизм. Ибо устои духа его были слишком прочны, и не могли их поколебать неистовые и предрезостные доктрины; я сам готов свидетельствовать перед Богом о чистоте его верований. В общении с людьми самыми разнообразными почерпнул он знание света. Этот опыт весьма бы ему пригодился при написании истории римлян, чем он несомненно занялся бы по примеру г-на Ролена, если позволило бы время и если бы обстоятельства жизни более споспешествовали его дарованиям. То, что я расскажу об этом превосходнейшем человеке, послужит к украшению моих воспоминаний. И подобно Авлу Гелию, который отвел страницы своих «Аттических ночей» избранным речениям философов, подобно Апулею, который в своих «Метаморфозах» приводит чудесные сказания греков, задумал и я, подражая пчеле, собрать с ее упорством наитончайший мед. Никогда не

* Шарль Ролен (1661–1741) — французский историк и педагог.

осмелюсь притом тешить себя лестной мыслью о соперничестве с этими двумя великими мужами, ибо я черпаю свои богатства в житейских воспоминаниях, а не в усердном чтении. Моя лепта — в совершенной чистоте помыслов. Ежели кому придет охота прочесть мои записки, он признает, что одна лишь чистая душа могла излить себя в таких простых и незамысловатых словах. С кем бы я ни общался, я всегда слыл человеком бесхитрым, и писания мои лишь укрепят это мнение после того, как я покину земную юдоль.

Зовут меня Эльм-Лоран-Жак Менетрие. Отец мой Леонар Менетрие держал на улице Св. Иакова харчевню под вывеской «Королева Гусиные Лапы»; королева эта, как известно, имела перепончатые лапки наподобие гуся или утки.

Наш навес возвышался как раз против церкви Бенедикта Увечного, между г-жой Жилье, — галантерейная лавочка «Три девственницы», — и г-ном Блезе, — книготорговля «Под образом св. Екатерины», — неподалеку от «Малютки Бахуса», чья решетка, увитая виноградными листьями, выходила на угол Канатной улицы. Батюшка весьма меня любил, и, когда после ужина меня укладывали в кроватку, он, взяв мою ручонку, перебирал один за другим все пальцы, начиная с большого, и приговаривал:

— Этот по воду ходил, этот дрова носил, этот огонь разводил, этот кашку варил. А мизинчику не дали... Кашки, кашки, кашки, — прибавлял он, щекоча моим же мизинцем мою ладонь.

И громко смеялся. Я тоже смеялся, засыпая, и матушка уверяла, что еще поутру на губах моих играла улыбка.

Батюшка был не только отменный харчевник, но и человек богобоязненный. Поэтому-то в празд-

ничные дни он носил цеховое знамя харчевников, на котором был искусно вышит святой Лаврентий со своим рашпером и золотой пальмовой ветвью. Отец мой часто говаривал:

— Жако, твоя матушка — святая и достойная женщина.

Эти слова он повторял при каждом удобном случае. И впрямь, матушка каждое воскресенье отправлялась в церковь, прихватив книгу, напечатанную крупным шрифтом. Ибо мелкие буквы она разбирала с трудом и жаловалась, что от них в глазах рябит. Каждый вечер батюшка часок-другой проводил в кабачке «Малютка Бахус», куда заглядывали также Жаннета-арфистка и Катрина-кружевница. И всякий раз, когда он возвращался домой, чуть запоздав против обычного, он, надевая на ночь полотноный колпак, умильно возглашал:

— Барб, почивайте с миром. Только что я говорил хромому ножовщику: моя супруга — святая и достойная женщина.

Мне минуло шесть лет, когда в один прекрасный день батюшка, обдернув свой передник, что служило у него признаком решимости, повел такую речь:

— Наш добрый пес Миро вращал вертел целых четырнадцать лет. Он безупречно нес свою службу. Этот честный работяга ни разу не стащил даже кусочка индейки или гуся. И довольствовался он за свой труд одной наградой — разрешением вылизывать противни. Но он стареет. Лапы его не слушаются, глаза слепнут, и куда ж ему вращать вертел. Тебе, Жако, тебе, сынок, пора занять его место. Привычка и сообразительность помогут справиться с делом не хуже нашего Миро.

Миро слушал наш разговор и одобрительно вилял хвостом. А батюшка продолжал:

— Итак, ты будешь сидеть на этой скамеечке и вращать вертел. Но чтобы образовать свой ум, ты будешь твердить букварь, и когда со временем сможешь различать все печатные буквы, то выучишь наизусть какую-нибудь книжку, грамматику, или там притчи, или же прекрасные изречения из Ветхого и Нового Завета. Ибо познание Господа и умение отличить добро от зла необходимо человеку, занятому даже рукоеслом, пусть нехитрым, но зато достойным, каковое есть мое ремесло, было ремеслом моего родителя и, если будет на то милость Божья, станет и твоим.

С того самого дня, сидя от зари до зари в уголке у очага, я вращал вертел, держа на коленях открытый букварь. Один добрый капуцин с сумой за плечами, как-то заглянув в нашу харчевню в надежде получить подавание, стал учить меня грамоте. В это занятие он вкладывал тем более охоты, что батюшка, почитавший науки, оплачивал уроки добрым куском индюшатины и полным стаканом вина; наконец брат капуцин, убедившись, что я достаточно бойко составляю слоги и даже целые слова, принес мне назидательное «Житие святой Маргариты» и стал учить меня по этой книге беглому чтению.

В один прекрасный день, положив по обыкновению свою котомку на прилавок, капуцин уселся рядом со мной, засунул босые ноги в теплый еще пепел очага и заставил меня в сотый раз повторить:

Дева чистая, святая,
При родах нам помогая,
Смилуйся над нами.

В эту самую минуту дверь распахнулась, и мужчина дородного телосложения, однако благород-

ной осанки, в священническом облачении, переступил порог харчевни и зычно позвал:

— Эй, хозяин, подайте-ка мне кусок мяса, да по сочнее!

Несмотря на седину, он, казалось, был полон сил и не стар годами. На губах его играла веселая улыбка, а взгляд был живой. Чуть отвислые щеки вместе с тройным подбородком величественно спускались до самых брыжей, которые из сочувствия ко всему прочему покрылись слоем жира, под стать шее, не вмещавшейся в воротнички.

Мой батюшка, который славился любезностью даже среди харчевников, стащил с головы колпак и, поклонившись, сказал:

— Ежели вы, ваше преподобие, соблаговолите погреться у камелька, через минуту-другую я подам все, что вы пожелаете.

Аббат не заставил себя просить и присел перед очагом рядом с моим капуцином.

Услышав, что тот тянет вслух:

Дева чистая, святая,
При родах нам помогая... —

новоприбывший хлопнул в ладоши и воскликнул:

— Ого! Птичка редкостная! Чудо-человек! Капуцин, умеющий читать! Как же вас звать, братец?

— Брат Ангел, недостойный капуцин, — отвечал мой наставник.

Услышав чужие голоса, матушка, влекомая любопытством, спустилась из верхней горницы.

Аббат приветствовал ее вежливо, но уже как старый знакомый, и обратился к ней со следующими словами:

— Вот что достойно изумления, сударыня: брат Ангел — капуцин и, однако, умеет читать!